

20 Мая 1915 г. плѣнные изъ города Лаубана были привезены въ дер. Едлицы, въ пяти верстахъ отъ Калиша, и поставлены на работу по рытью окоповъ. Сознавая, что окопы воздвигаются въ цѣляхъ обороны отъ русскихъ войскъ, плѣнные отказались принимать участіе въ работахъ и жестоко за это поплатились: ихъ по четыре человека выводили изъ строя, кляли ничкомъ на землю и избивали палками. Тѣмъ не менѣе и не смотря на то, что во время этой экзекуціи десять человекъ было забито на смерть, плѣнные остались тверды въ своемъ рѣшеніи.

Возвращенный въ Россію въ качествѣ инвалида, прапорщикъ 119 Коломенскаго полка Григорій Андреевичъ Зеленецъ представилъ въ распоряженіе Чрезвычайной Слѣдственной Коммисіи дознаніе о случаѣ жестокаго избіенія германцами русскихъ плѣнныхъ.

Дознаніе это въ виду выдающагося его интереса необходимо привести цѣликомъ.

«Показанія военноплѣнныхъ нижнихъ чиновъ, входящихъ въ составъ упомянутыхъ 500 человекъ, находящихся въ деревнѣ Едлицъ».

«Въ городѣ Лаубанѣ, въ лагерѣ военноплѣнныхъ, 16 Мая 1915 г. послѣдовало приказаніе отъ завѣдующаго лагеремъ г. Гацермана (погонь № 17) разбить всѣхъ оставшихся по національностямъ. Мы, русскіе воины, были оставлены въ лагерѣ въ числѣ пятисотъ человекъ: 13 подпрапорщиковъ, около 150 унтеръ-офицеровъ и остальные ефрейторы и рядовые. 17 Мая былъ смотръ одежды и обуви. 18 Мая былъ тѣлесный смотръ. 19 Мая было приказано приготовиться къ отъѣзду. Передъ отъѣздомъ намъ было объявлено чрезъ переводчика, что насъ отправляютъ въ другой лагерь. Дѣйствительно въ 12 ч. ночи на 20 Мая насъ отправили на станцію Лаубанъ. Въ 3 часа дня 20 Мая насъ привезли на станцію Плѣшинь, гдѣ было приготовлено нѣсколько подводъ для вещей. Отъ станціи Лаубанъ до станціи Плѣшинь насъ сопровождалъ конвой при одномъ офицерѣ (погонь № 17), который сдалъ насъ другому офицеру (погонь № 13), а конвойные остались прежніе. Въ деревнѣ Едлицъ насъ привели въ 7 часовъ вечера; деревня эта находится въ разстояніи 25 верстъ отъ станціи Плѣшинь и въ пяти верстахъ отъ города Калиша. При деревнѣ Едлицъ уже были приготовлены для насъ 4 полотняныхъ палатки, огороженные колючей проволокой. Насъ размѣстили по 125 человекъ въ каждой палаткѣ и сопровождавшій насъ конвой былъ смѣненъ новымъ (погоны №№ 19 и 20), который и охранялъ насъ до конца нашего пребыванія въ Плѣшинѣ. 21 Мая на автомобилѣ прибылъ офицеръ и приказалъ вывести людей купаться на рѣчку, на

одномъ берегу которой стоялъ врытый въ землю столбъ съ нѣмецкимъ орломъ, а на другомъ—съ русскимъ.

22 Мая, въ 8 ч. утра, пріѣхалъ тотъ-же офицеръ и приказалъ вывести 80 человекъ изъ палатки № 4. Люди были забраны и отведены неизвестно куда. Вслѣдъ за плѣнными шла команда нѣмецкихъ рабочихъ солдатъ, а за послѣдними шли двѣ повозки съ шанцевыми инструментами, колючей проволокой и деревянными молотками. Вблизи лагеря, въ домъ мѣстнаго обывателя, находилась караульная гауптвахта. Въ 10 часовъ утра съ гауптвахты стремительно бѣжалъ конвой въ ту сторону, куда повели нашихъ 80 плѣнныхъ. Къ 12 часамъ дня, къ обѣду вернулись наши, нѣмецкая команда рабочихъ солдатъ и конвой. Наши плѣнные были огорчены, въ мрачномъ настроеніи духа, со слезами на глазахъ и рассказали намъ, что, придя въ поле, увидѣли значительное количество готовыхъ боевыхъ окоповъ и проволочныхъ загражденій, находившихся на самой русской границѣ. Плѣнныхъ раздѣлили на группы по нѣсколько человекъ и дали разные инструменты: кому лопату, кому кирку, кому топоръ и молотокъ, а нѣкоторыхъ заставили подносить колья и колючую проволоку. Плѣнные отказались и за это по приказанію офицера конвойные стали бить ихъ прикладами, но они старались исполнить свой долгъ и, несмотря на то, что нѣкоторые уже лежали на землѣ безъ чувствъ отъ побоевъ, не сдавались и нѣмцамъ не удалось принудить ихъ къ работѣ.

Послѣ обѣда фельдфебеля, посовѣтовавшись съ унтеръ-офицерами, доложили германскому офицеру, пріѣхавшему опять съ конвоемъ забирать людей на работу, что они на работу не пойдутъ, но офицеръ разогналъ фельдфебелей, не давъ никакого отвѣта, и приказалъ конвойнымъ выгнать на работу тѣхъ же людей. Мы согласились, что въ случаѣ если будутъ вновь гнать людей на работу, выйти изъ всѣхъ палатокъ и оказать сопротивленіе. Мы вышли. Изъ числа 80 человекъ рабочихъ вышелъ подпрапорщикъ 15 авіаціоннаго отряда и заявилъ офицеру, что плѣнные на работу не пойдутъ и присовокупилъ «убейте меня, но на работу я не пойду». По приказанію офицера одинъ унтеръ-офицеръ и одинъ рядовой изъ конвоя стали бить подпрапорщика и онъ упалъ со словами «убейте, но работать не пойду». Удары палками посыпались еще болѣе жестоко; бросили бить лишь тогда, когда увидѣли, что избитый лишился сознанія. Когда начали бить подпрапорщика, офицеръ приказалъ всѣхъ разогнать по палаткамъ, а назначенные на работу восемьдесятъ человекъ оставались на мѣстѣ. Когда разогнали людей по палаткамъ, конвой сталъ звѣрски бить плѣнныхъ ружьями, а нѣмецкіе рабочіе

солдаты—палками. Послѣ избіенія на мѣстѣ осталось много поломанныхъ ружей и лежавшихъ безъ чувствъ людей. Послѣ этого нѣмецкій офицеръ приказалъ русскому подпрапорщику скомандовать людямъ, назначеннымъ на работу, «направо». Подпрапорщикъ не исполнилъ этого приказа. Въ это время конвой приступилъ къ избіенію всѣхъ восьмидесяти плѣнныхъ и билъ долго и жестоко. Послѣ команды переводчика 4 палатки плѣнные пошли на работу. Въ полѣ на работѣ повторилось тоже, что происходило до обѣда, съ одною лишь разницей, что вечеромъ, возвращаясь съ работъ, нѣкоторыхъ избитыхъ плѣнныхъ, которые уже не имѣли силы идти сами, несли на рукахъ. Когда плѣнные пришли съ мѣста работъ, офицеръ приказалъ собрать фельдфебелей и объявилъ, что плѣннымъ ужинъ не будетъ данъ. Около 9 часовъ вечера офицеръ опять пріѣхалъ въ лагерь и потребовалъ, чтобъ рабочіе пришли къ кухнѣ для полученія заработной платы за истекшій день по 15 пф. каждому, но люди отказались отъ денегъ. Офицеръ сталъ разъяснять законъ, который, по его словамъ, вошелъ въ силу 15 Мая и который гласилъ: 15 Мая с./г. было совѣщаніе всѣхъ государствъ, которое постановило, что плѣнные какъ русскіе, такъ и нѣмецкіе обязаны копать окопы, что нѣмецкіе плѣнные уже работаютъ окопы въ Россіи и что русскіе первые нарушили международное право. Офицеръ спросилъ насъ, не мало-ли онъ предложилъ намъ жалованья и не служить-ли плохая пища причиной нашего отказа отъ работы, мы отвѣтили отказомъ на всѣ его предложенія, заявивъ, что денегъ намъ не надо и что работать мы не будемъ, на что раздраженный офицеръ отвѣтилъ, что онъ приметъ всѣ мѣры къ тому, чтобъ заставить насъ работать. Мы всѣ на это отвѣтили: «разстрѣляйте насъ, но мы работать не будемъ». Офицеръ приказалъ намъ разойтись, сказавъ: разстрѣливать васъ я не буду, но буду каждый день мучить и этимъ заставлю васъ работать. Мы рѣшили отказаться отъ пищи и не идти на работу. 23 Мая на приказаніе идти завтракать мы отказались. Въ 8 часовъ утра пріѣхалъ офицеръ и велѣлъ выгнать все тѣхъ-же 80 человекъ на работу. На работѣ повторилось тоже, что и въ предшествующіе дни. Съ работы вернулись около 12 часовъ дня, но отъ обѣда отказались. Около 2 часовъ дня прибылъ конвой подъ командою фельдфебеля и приказалъ людямъ изъ 3 палатки построиться для работы. Передъ этимъ люди 3 палатки рѣшили, въ случаѣ выгона ихъ на работу, выйти на дворъ, построиться, но со двора не уходить, а въ случаѣ избіенія лечь на землю. Провѣривъ людей, нѣмецкій фельдфебель скомандовалъ «направо», но люди не тронулись съ мѣста. Нѣмецкій унтеръ-офицеръ подскочилъ къ первому

ряду плѣнныхъ и сталъ бить ихъ палкой. Люди легли на землю и конвой сталъ бить всѣхъ прикладами и палками до тѣхъ поръ, пока нѣмецкій фельдфебель не командовалъ «встать». Люди встали, но снова по командѣ идти на работу не тронулись съ мѣста. По приказанію фельдфебеля конвойные снова стали бить и люди вновь легли на землю и ихъ били до тѣхъ поръ, пока опять приказали встать, но многіе уже встать не могли, такъ какъ лишились чувствъ. Тогда былъ вызванъ усиленный конвой, которому было приказано зарядить винтовки, и фельдфебель предупредилъ людей, что если они не пойдутъ на работу, то будутъ немедленно разстрѣляны. Послѣ команды «на право» мы однако не двинулись и громко заявили: «разстрѣляйте насъ, но на работу мы не поидемъ». Послѣ этого нѣмецкій фельдфебель подходилъ къ каждому плѣнному съ вопросомъ: работать будешь? но каждый по очереди отвѣчалъ, что работать не будетъ. Тогда, по приказанію фельдфебеля плѣнныхъ стали бить въ третій разъ. Черезъ 20 минутъ принесли сырыя палки, пришла команда нѣмецкихъ рабочихъ солдатъ. Фельдфебель сталъ выводить по 4 человекъ изъ ряда плѣнныхъ къ вооруженнымъ палками восьми нѣмецкимъ рабочимъ и послѣ новаго отказа отъ работъ приказывалъ бить. Отъ сильныхъ ударовъ палки ломались, но ихъ тутъ-же замѣняли новыми. Въ 7 часовъ вечера всѣ плѣнные были избиты и на дворѣ лежало много людей, за которыми ухаживали фельдшера. Вечеромъ предложили ужинъ, но мы отъ него отказались.

24 Мая къ палаткамъ нѣмецкіе солдаты подносили завтракъ, обѣдъ и ужинъ, но, не давъ пищи, уносили ее обратно.

25 Мая плѣннымъ также не дали пищи. Около 10 часовъ утра пріѣхалъ офицеръ и приказалъ нашимъ фельдфебелямъ забрать вещи и отправилъ ихъ на подводахъ неизвѣстно куда, а намъ объявилъ, что фельдфебеля будутъ разстрѣлены, и если мы не согласимся работать, то и намъ будетъ то же, что фельдфебелямъ. Люди отвѣтили отказомъ и просили скорѣе избавить ихъ отъ мученія какимъ-бы то ни было способомъ. Къ намъ пріѣхалъ врачъ и пригрозилъ въ случаѣ дальнѣйшаго нашего отказа отъ ѣды—кормить насъ искусственно.

По отъѣздѣ нѣсколькихъ фельдфебелей оказалось, что они послали вмѣсто себя унтеръ-офицеровъ и остались съ нами для поддержанія духа людей.

26 Мая пища и хлѣбъ не выдавались. Въ 10 часовъ утра всѣмъ унтеръ-офицерамъ было приказано собрать свои вещи и выстроиться. Но не всѣ унтеръ-офицеры вышли изъ палатокъ, и нѣкоторые послали за себя рядовыхъ. Съ унтеръ-офицерами уѣхалъ и подпрапорщикъ Брат-

скихъ. Всѣхъ насъ, оставшихся унтеръ-офицеровъ, перевели въ помѣщичій сарай, который находился на окраинѣ деревни. Въ сараѣ мы переночевали, а утромъ 27 Мая прибыли за нами подводы, на которыхъ насъ привезли на станцію Плъшинь. Насъ было 136 человекъ. Со станціи Плъшинь насъ отправили въ лагерь Стрѣлково и заперли въ отдѣльный баракъ, который былъ огороженъ колючей проволокой, и приставили къ намъ четырехъ часовыхъ. По прошествіи 4 дней нашего пребыванія въ Стрѣлково, къ намъ изъ деревни Едлицы прибыло 5 человекъ, которые рассказали, чѣмъ кончилось дѣло съ нашими товарищами. По ихъ разсказу, черезъ два дня послѣ нашего отъѣзда, пріѣхалъ въ лагерь врачъ и спросилъ, будутъ ли плѣнные ѣсть пищу. Люди отказались. Тогда онъ приказалъ нѣмецкимъ солдатамъ кормить людей искусственно, т. е. вставляли въ ротъ резиновую трубку и накачивали молокомъ, но навстрѣчу молоку изо рта шла кровь. Когда мы еще находились въ сараѣ помѣщика, часовые сказали намъ, что въ лагерь уже четыре человека умерли отъ побоевъ и голода. Потомъ мы узнали, что умерло всего десять человекъ: Егоръ Павловъ (казакъ), Ипатъ Филиповъ (казакъ), Иванъ Шалетовъ, Николай Парфиловъ, Филиппъ Крестовъ, Иванъ Лознякъ, Іосифъ Нидицкій, Андрей Вренскій, Яковъ Балашевъ и Петръ Клименко.“

Подъ дознаніемъ имѣется подпись военноплѣнныхъ, которые были въ числѣ 500 въ лагерь при деревнѣ Едлица.

(Въ виду нахождения подписавшихъ дознаніе лицъ въ германскомъ плѣну имена ихъ не могутъ быть оглашены).

Въ окрестностяхъ Калиша послѣ Св. Пасхи 1915 г. была прислана партія плѣнныхъ, которой было приказано забивать въ землю колья, предназначенные будто для разведенія «виноградника». Обманъ однако не удался: плѣнные поняли, что колья вбиваются для того, чтобы опутать ихъ колючей проволокой и устроить искусственное загражденіе. Не желая принимать участіе въ работахъ противъ русскихъ войскъ, плѣнные отказались, но подъ ударами штыковъ, прикладовъ, палокъ и нагаекъ сдались. Бывшіе въ партіи грузины рѣшили однако не уступать и на обращенное къ нимъ требованіе немедленно стать на работу отвѣчали дружнымъ отказомъ. Упорствующимъ привязали къ забору и били до тѣхъ поръ, пока они не согласились подчиниться требованіямъ. Тѣмъ не менѣе рядовой 142 Звенигородскаго полка Петръ Антоновичъ Гиголадзе продолжалъ отказываться отъ работы и былъ за это избитъ до полной потери сознанія. Отнесенный въ лазаретъ Гиголадзе пробылъ на излеченіи пять мѣсяцевъ и былъ затѣмъ возвращенъ на родину въ качествѣ инвалида, страдающаго туберкулезомъ.

Партія плѣнныхъ въ 500 приблизительно человекъ, какъ рассказываетъ канониръ Новогеоргиевскаго тяжелаго гаубичнаго дивизиона Исидоръ Викторовъ Филимонокъ, была отправлена изъ лагеря Пархимъ къ Калишу. На вопросъ куда и на какія работы ихъ направляютъ, комендантъ лагеря отвѣтилъ, что плѣнные будутъ распределены по помѣщичьимъ и крестьянскимъ усадьбамъ для сельско-хозяйственныхъ работъ. Лишь по прибытіи въ Калишъ плѣнные узнали о дѣйствительномъ назначеніи ихъ труда и отказались отъ рытья окоповъ. Германцы пытались уговорить ихъ подчиниться приказанію, указывая на тяжесть угрожающаго имъ за ослушаніе наказанія, но, видя бесполезность уговоровъ и убѣжденій, прибѣгли къ болѣе сильнымъ мѣрамъ воздѣйствія: плѣнные были избиты такъ жестоко, что даже нѣкоторые изъ палачей бросили палки и винтовки, говоря, что человекѣе было бы разстрѣлять людей, чѣмъ истязать ихъ такъ продолжительно и безжалостно. Избитые и израненные плѣнные тѣмъ не менѣе остались непреклонными и за это въ теченіе семи дней были лишены всякой пищи; двѣнадцать человекъ не выдержало испытаній и умерло отъ голода, остальные такъ ослабѣли, что для спасенія ихъ жизни пришлось прибѣгнуть къ искусственному питанію.

Характеренъ рассказъ бѣжавшаго изъ австрійскаго плѣна младшаго унтеръ-офицера 312 Васильковскаго полка Дмитрія Антонова Полтавцева.

Нѣсколько сотъ плѣнныхъ, выразившихъ желаніе идти на сельско-хозяйственныя работы, были вывезены изъ лагеря Терезиентадтъ въ Галицію, въ мѣстечко Рудники, которое было настолько близко отъ русскаго фронта, что не только орудійная, но и ружейная перестрѣлка была отчетливо слышна. Плѣнные поняли, что они присланы на военныя работы, и отказались ихъ исполнять. Не прибѣгая къ обычнымъ мѣрамъ воздѣйствія, австрійцы роздали плѣннымъ инструменты и велѣли готовить и вбивать въ землю колья и столбы, увѣряя, что столбы эти предназначены для постройки барака. Внѣшній видъ, величина столбовъ и способъ ихъ разстановки ясно указывали на то, что они должны служить основой искусственнаго загражденія. Забастовка была отвѣтомъ на обманъ австрійцевъ. Желая убѣдить плѣнныхъ, что работа по возведенію окоповъ и искусственныхъ загражденій охотно исполняется другими русскими плѣнными, австрійцы вывели въ поле подпрапорщика Ткаченко, фельдфебеля Сѣркова и унтеръ-офицера Пѣтушкова и издали показали имъ толпу людей, рывшихъ окопы; за дальностью разстоянія не представлялось однако возможности установить, кто именно былъ занятъ работой—австрійцы или русскіе. Въ виду упорства плѣнныхъ они были отправлены на сербскую границу, гдѣ ихъ заставили дробить камни для укрѣпленій. Отказъ и

отъ этихъ работъ вызвалъ дальнѣйшій переводъ плѣнныхъ въ Тироль, гдѣ австрійцы вновь пытались поставить ихъ на военныя работы. Къ плѣннымъ вышелъ австрійскій штабъ-офицеръ въ сопровожденіи фельдфебеля, свободно говорившаго по-русски, и обратился къ нимъ со словами убѣжденія, уговаривая бросить упорство и стать на работу, направленную не противъ Россіи, и грозя, въ случаѣ повторнаго отказа, тяжкими наказаніями до разстрѣла включительно. Рѣчь австрійскаго офицера не имѣла успѣха и тогда девять человѣкъ изъ числа плѣнныхъ были тутъ же на глазахъ остальныхъ подвѣшаны къ столбамъ. Видя нестерпимыя муки товарищей и желая спасти ихъ отъ дальнѣйшихъ истязаній, а быть можетъ и смерти, плѣнные сдались за исключеніемъ 45 человѣкъ, которые продолжали упорно отказываться отъ работы. Боясь воздѣйствія этихъ сорока-пяти человѣкъ на остальныхъ, подчинившихся приказанію, австрійцы вернули ихъ въ лагерь, гдѣ они были подвергнуты полутора-мѣсячному аресту, при чемъ съ нихъ, не смотря на холодъ, сняли сапоги и верхнюю одежду и два раза въ недѣлю—по средамъ и пятницамъ—лишали всякой пищи. Выдержавшій всѣ описанныя испытанія унтеръ-офицеръ Полтавцевъ былъ затѣмъ отправленъ на работы въ Бѣлградъ, откуда ему удалось бѣжать и вернуться на родину.

Въ лагерѣ Терезіенштадтъ плѣннымъ было объявлено, что желающіе могутъ быть отправлены на сельско-хозяйственныя работы. Предпочитая жизнь на вольныхъ работахъ тяжелой жизни въ лагерѣ, около 500 человѣкъ немедленно же выразило свое согласіе и были увезены. Ихъ въ теченіе трехъ дней пути держали въ наглухо закрытыхъ вагонахъ и лишь по прибытіи на мѣсто плѣнные узнали, что ихъ привезли на берегъ рѣки Санъ, для возведенія укрѣпленій. Послѣ отказа принять участіе въ работахъ, направленныхъ противъ Россіи, австрійцы пробовали сломить упорство плѣнныхъ обычными приемами: побоями, подвѣшиваніемъ къ столбамъ и лишеніемъ пищи. Когда всѣ эти мѣры были исчерпаны, къ плѣннымъ вышелъ австрійскій офицеръ и передалъ черезъ переводчика, что если плѣнные къ вторичному его приходу не одумаются и не согласятся стать на работу, всѣ они будутъ разстрѣляны. «По православному обычаю», говоритъ въ своемъ показаніи пережившій эти тяжелыя минуты рядовой Лохвицкаго полка Алексѣй Михайловъ Чернышевъ, мы переодѣлись въ чистое бѣлье, выстроились и въ молчаніи стали ждать вторичнаго прихода офицера. Послѣдній вскорѣ пришелъ, но видъ спокойно стоявшихъ и безропотно ждавшихъ смерти пятисотъ человѣкъ, повидимому, такъ поразилъ его, что онъ не привелъ

въ исполненіе угрозу и вся партія была отправлена въ гор. Комаровъ, гдѣ ее подвергли четырнадцатидневному аресту въ конюшнѣ, при чемъ плѣнные вынуждены были проводить дни и ночи на навозѣ.

Около 400 плѣнныхъ были высланы на румынскую границу и здѣсь отъ сопровождавшихъ ихъ конвоировъ узнали, что должны рыть окопы. Не смотря на угрозу разстрѣломъ, плѣнные единодушно отказались отъ работъ. Видя безуспѣшность уговоровъ и угрозъ, австрійскій лейтенантъ приказалъ плѣннымъ выстроиться передъ взводомъ солдатъ. Раздался первый залпъ, сдѣланный поверхъ головы плѣнныхъ; послѣдніе опустились на колѣни, сняли фуражки и запѣли молитву; лейтенантъ приказалъ прекратить пѣніе и предупредилъ, что при дальнѣйшемъ упорствѣ второй залпъ будетъ сдѣланъ въ плѣнныхъ и они будутъ разстрѣляны. Страхъ смерти заставилъ большинство подчиниться и лишь десять человекъ заявили, что не боятся смерти и на работу не пойдутъ. Ихъ немедленно же увели и дальнѣйшая ихъ судьба неизвѣстна.

27 Іюня 1915 года въ лагерѣ Бриксъ было выдѣлено пятьсотъ русскихъ военноплѣнныхъ и имъ было объявлено, что они будутъ отвезены на работу на сахарный заводъ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности ихъ привезли въ мѣстечкѣ Рудники и послѣ высадки изъ вагоновъ оставили всю ночь подъ открытымъ небомъ безъ хлѣба и пищи. Утромъ было приказано нарубить и заготовить колья, а послѣ обѣда зарывать оставленные русскими войсками окопы. Русскія позиціи были въ непосредственной близости отъ мѣста работъ: слышна была перестрѣлка и на горизонтѣ высилась гора, занятая русскими войсками. Проработавъ день, плѣнные рѣшили отказаться отъ работъ и на слѣдующее утро, когда ихъ партіями по 25—30 человекъ стали выгонять на работу, отказались взять землекопные инструменты. Первой изъ отказавшихся отъ работъ партіи, въ которой между прочимъ былъ рядовой 257 пѣхотнаго Евпаторійскаго полка Иванъ Васильевъ Назаренко, было приказано встать спиною къ отряду австрійскихъ солдатъ, стоявшихъ съ заряженными винтовками. Плѣнные исполнили приказаніе, не сомнѣваясь, что будутъ немедленно разстрѣляны въ назиданіе и на глазахъ товарищей. Они сняли фуражки и стали осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ. Простоявъ въ ожиданіи залпа нѣсколько минутъ, Назаренко замѣтилъ, что всѣ остальные плѣнные сдались и ушли на работу. Къ нему подошелъ мадыарскій офицеръ и спросилъ: Что ты хочешь? «Убейте меня на мѣстѣ, но рыть окопы противъ своихъ не буду»—отвѣтилъ Назаренко. Раздраженный этимъ отвѣтомъ офицеръ нанесъ Назаренко сильный ударъ шашкою плашмя и отошелъ. Вечеромъ, когда плѣнные вернулись съ работъ, они были крайне

удивлены, заставъ Назаренко живымъ, такъ какъ у нихъ не было сомнѣнія въ томъ, что онъ за упорство поплатился жизнью. Примѣръ Назаренко придалъ новыя силы плѣннымъ и на слѣдующее утро они отказались выйти на работу. Тогда ихъ вывели на поляну, велѣли больнымъ выйти изъ строя и отойти, а остальнымъ было приказано; согласнымъ итти на работу, встать на одну сторону поляны, а нежелающимъ подчиниться— на другую. Сначала большинство плѣнныхъ переходило на сторону отказавшихся, но когда присутствовавшій австрійскій офицеръ вынулъ изъ кобуры револьверъ и сталъ грозить имъ, плѣнные дрогнули и число соглашавшихся работать стало быстро возрастать. Въ это время на поляну выѣхалъ разъѣздъ кавалеристовъ и видъ вооруженныхъ людей заставилъ большинство плѣнныхъ подчиниться. Упорствующихъ въ отказѣ осталось не болѣе 300 человекъ. Изъ нихъ восемь человекъ было отведено къ опушкѣ лѣса и подвѣшано на деревьяхъ; туда-же была подвезена кухня и плѣннымъ было приказано брать обѣдъ. Видъ привязанныхъ къ дереву и страдавшихъ товарищей подѣйствовалъ на плѣнныхъ и число согласившихся стать на работу еще увеличилось. Оставшихся при первоначальномъ рѣшеніи вновь вывели на поляну, было вывезено орудіе, снято съ передка и плѣнные, будучи убѣждены, что ихъ ждетъ разстрѣлъ орудійнымъ огнемъ, согласились подчиниться, за исключеніемъ восьмидесяти человекъ. Изъ послѣднихъ австрійцы выдѣлили подпрапорщиковъ, фельдфебелей, унтеръ-офицеровъ и переводчиковъ и отправили подъ арестъ. Оставшіеся безъ руководителей плѣнные за исключеніемъ тринадцати человекъ согласились встать на работу при условіи, что арестованные ихъ старшіе товарищи будутъ немедленно освобождены. Когда арестованные вернулись, плѣнные были отведены на работу, а оставшіеся тринадцать человекъ были подвернуты аресту съ лишеніемъ всякой пищи. Черезъ два дня арестованныхъ вновь отвели въ лѣсъ и здѣсь имъ было объявлено, что по приказанію начальства они будутъ поочередно разстрѣляны. Еще трое не выдержало и сдалось, остальные десять со словами: «воля ваша, можете стрѣлять, а мы на работу не пойдёмъ», рѣшились ждать смерти. Ихъ однако не разстрѣляли, а совершенно измученныхъ физически и нравственно вновь отправили подъ строгій арестъ, снявъ верхнюю одежду и оставивъ въ однѣхъ рубахахъ.

Партія плѣнныхъ была отправлена изъ лагеря Эстергомъ на берегъ рѣки Санъ для рытья окоповъ. Отказавшихся отъ работъ плѣнныхъ въ теченіе двѣнадцати дней подвергали побоямъ, подвѣшиванію съ столбамъ и лишенію пищи. Сорокъ человекъ не выдержало и было отправлено въ

ближайшій лазаретъ въ безсознательномъ состояніи, а остальныхъ согнали въ кучу и поверхъ ихъ головъ былъ данъ залпъ изъ винтовокъ. Когда и эта мѣра не могла заставить плѣнныхъ стать на работы, австрійцы перевели ихъ въ Тироль, гдѣ также предполагали воспользоваться ихъ трудомъ для военныхъ работъ, но и здѣсь, какъ на рѣкѣ Санъ, плѣнные отказались и были вновь подвергнуты разнообразнымъ истязаніямъ. Рядовые Иванъ Мордякъ и Семень Павловъ, наиболѣе энергично уговаривавшіе плѣнныхъ не подчиняться требованіемъ врага, были посажены подъ арестъ безъ пищи и питья въ ледникъ, откуда они на третій день были вынесены въ безсознательномъ состояніи, окоченѣвшіе отъ холода.

Въ Ноябрь 1915 г. партія плѣнныхъ, приведенная къ Триенту, отказалась отъ работъ по возведенію искусственныхъ загражденій. Считая, что находившіеся среди плѣнныхъ шестнадцать унтеръ-офицеровъ являются главными зачинщиками и подстрекателями, австрійцы выдѣлили ихъ и заперли въ холодный, сырой подвалъ и въ теченіе шести дней на всѣхъ арестованныхъ давали не болѣе двухъ фунтовъ хлѣба въ сутки. Едва живымъ людямъ объявили, затѣмъ, что они будутъ выпущены при условіи не уговаривать плѣнныхъ къ отказу отъ работъ и что въ противномъ случаѣ они будутъ разстрѣляны. Голодъ и угрозы смертью не сломили рѣшимости унтеръ-офицеровъ и по освобожденіи они вновь стали доказывать товарищамъ незаконность требованій врага. Бывшій въ ихъ числѣ младшій унтеръ-офицеръ 206 пѣхотнаго полка Михаилъ Андреевъ Кобылянской не могъ сообщить о дальнѣйшей участи плѣнныхъ товарищей, такъ какъ ему удалось бѣжать.

Обѣзжавшая германскіе лагеря и рабочія мѣста сестра милосердія Е. М. Ключева сообщила между прочимъ, что одинъ изъ плѣнныхъ французскихъ офицеровъ съ нескрываемымъ негодованіемъ рассказалъ ей о случаѣ, свидѣтелемъ—очевидцемъ котораго онъ былъ: въ лагерѣ Вормсъ отказавшихся отъ отправки на французскій фронтъ русскихъ плѣнныхъ избили до потери сознанія. Лишившихся чувствъ подняли съ земли, связали, бросили на телѣги «какъ дрова», и русскіе-же плѣнные должны были, по приказу озвѣрѣвшихъ нѣмцевъ, вывести своихъ избитыхъ соотечественниковъ на желѣзнодорожную станцію.

Рядовой Александръ Гиджинскій, вернувшійся на родину въ качествѣ инвалида, находясь въ лагерѣ Мерзенбургѣ, слышалъ отъ двухъ нашихъ изувѣченныхъ воиновъ рассказъ о поражающемъ случаѣ германской жестокости. Партія плѣнныхъ была выслана на бельгійскую границу, гдѣ ихъ заставили рыть окопы для германскихъ войскъ. Всѣ безъ исключенія отказались отъ работъ и въ наказаніе были заперты во

второмъ этажѣ стараго деревяннаго зданія, окна котораго были задѣланы желѣзными рѣшетками. Не смотря на продолжительное голоданіе, плѣнные не подчинялись и тогда зданіе, въ которомъ они помѣщались, было подожжено нѣмцами. Большинство бывшихъ въ немъ плѣнныхъ погибло въ огнѣ, лишь немногимъ, успѣвшимъ выбить рѣшетку въ одномъ изъ оконъ, удалось спастись; при паденіи многіе получили переломы и вывихи конечностей и другія разнообразныя поврежденія. Въ числѣ изувѣченныхъ были тѣ двое, которые рассказали объ этомъ случаѣ рядовому Гиджинскому.

Въ Августѣ 1915 г., въслѣдствіи бѣжавшій изъ плѣна рядовой 7-го Стрѣлковаго полка Мартынъ Мартыновъ Вельковка былъ въ числѣ другихъ доставленъ на берегъ рѣки Сана для устройства проволочныхъ загражденій; за отказъ отъ работъ австрійцы продержали плѣнныхъ трое сутокъ безъ пищи подъ открытымъ небомъ, но, не добившись согласія, вынуждены были перевести ихъ съ русскаго на итальянскій фронтъ. Здѣсь плѣнныхъ поставили на работу по прокладкѣ дороги къ передовымъ позиціямъ и въ наказаніе за новый отказъ жестоко избili. Многіе были избиты до потери сознанія и унесены въ лазаретъ. Видя, что побои не могутъ сломить упорство плѣнныхъ, австрійцы стали подвѣшивать ихъ къ столбамъ и заперли въ столь тѣсномъ помѣщеніи, что плѣнные не имѣли возможности не только лечь, но даже ~~сѣсть~~, вынужденные стоять вплотную другъ къ другу. Днемъ арестованныхъ выпускали на двухъ часовую прогулку, но и тогда австрійскіе часовые зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы никто изъ плѣнныхъ не присаживался ни на минуту; кормили при этомъ крайне скудно. Не добившись покорности плѣнныхъ, ихъ разослали по разнымъ мѣстамъ на сельско-хозяйственныя работы.

По свидѣтельству нѣсколькихъ нашихъ плѣнныхъ, вернувшихся въ Россію, мужественною стойкостью выдѣлился рядовой 82 Дагестанскаго полка Николай Алексѣевъ, находясь въ плѣну у австрійцевъ.—

Николая Алексѣева, вмѣстѣ съ другими нашими плѣнными, принуждали строить укрѣпленія и рыть окопы. Николай Алексѣевъ, зная, что работы направлены противъ Россіи, рѣшительно отказался принимать въ нихъ участіе. Всяческими мученіями и истязаніями пытались австрійцы заставить Алексѣева подчиниться ихъ требованію, но цѣли своей не достигли. Наиболѣе тяжкимъ мученіемъ, выпавшимъ на долю Алексѣева, было слѣдующее: его поставили на нѣсколько сложенныхъ кирпичей, прислонивъ спиною къ дереву и слабо привязавъ къ нему; затѣмъ крѣпко связали въ шиколкахъ обѣ ноги бичевкой и укрѣпили ее на вбитомъ въ дерево гвоздѣ.

Послѣ этого выбили кирпичи изъ подъ его ногъ и Алексѣевъ всю свою тяжесть повисъ на гвоздѣ. Такъ продержали его минутъ двадцать, приче́мъ австрійскій офицеръ, стоя съ револьверомъ въ рукѣ, грозилъ разстрѣломъ. Бичевка немилосердно рѣзала ноги пытуемаго. Зрѣлище было тягостное и отъ него отвараживались даже караульные австрійцы. Когда и послѣ этого Алексѣевъ отказался рыть окопы, его отвезли въ одинъ изъ высшихъ штабовъ для суда и посадили въ тюрьму. Мужество Алексѣева произвело сильное впечатлѣніе какъ на всѣхъ плѣнныхъ, такъ и на самихъ австрійцевъ. Офицеръ при тюрьмѣ, гдѣ содержался Алексѣевъ, выводя своихъ заключенныхъ, арестованныхъ за пьянство и т. п. проступки, ставилъ на лѣвый флангъ шеренги Алексѣева и, браня и укоряя своихъ австрійскихъ солдатъ, называя ихъ за недостойное поведеніе «внутренними врагами государства», ставилъ имъ въ примѣръ русскаго Алексѣева, проявившаго столько преданности родинѣ. По возвращеніи Алексѣева изъ заключенія, онъ снова отказался рыть окопы, несмотря на то, что австрійцы убѣждали его, утверждая, что эти окопы не предназначены противъ русскихъ. Послѣ этого Алексѣева увезли въ лагерь для военно-плѣнныхъ и дальнѣйшая его участь неизвѣстна.

Въ распоряженіе Чрезвычайной Слѣдственной Коммисіи отдѣломъ о военноплѣнныхъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ прислано письмо интернированнаго въ Швейцарію бельгійскаго унтеръ-офицера на имя русскаго посла въ Парижѣ. Письмо написано на французскомъ языкѣ и въ дословномъ переводѣ гласить:

«Господинъ посоль! Честь имѣю довести до Вашего свѣдѣнія о «совершенномъ 2 Октября 1916 г. въ Мангеймѣ (въ Великомъ Герцогствѣ Баденѣ) звѣрствѣ, гнуснѣйшемъ изъ всѣхъ, имѣвшихъ мѣсто.

«Около 26 Сентября въ Мангеймѣ прибыла партія русскихъ плѣн-
«ныхъ численностью до трехсотъ человекъ, среди которыхъ было
«нѣсколько унтеръ-офицеровъ, съ французскаго фронта, гдѣ ихъ заста-
«влили работать на нашихъ враговъ. 1-го Октября по переключе́нью всѣмъ
«русскимъ плѣннымъ было объявлено, что рано утромъ слѣдующаго дня
«они будутъ отправлены на сѣверъ Франціи. Русскіе, посоветовавшись
«между собою, рѣшительно отказались, заявивъ, что работы на герман-
«скомъ фронтѣ считаютъ работами, направленными противъ интересовъ
«своего отечества. За этотъ отказъ русскихъ плѣнныхъ лишили пищи.
«Хотя нашъ баракъ и былъ отдѣленъ отъ барака, въ которомъ жили
«русскіе, заборомъ изъ колючей проволоки, намъ всетаки удалось пере-
«дать послѣднимъ хлѣбъ, сахаръ, консервы и т. п. 2 Октября въ 4½ часа
«совые разбудили русскихъ и съ унтеръ-офицерами во главѣ

«собрали на лугу близъ барака. Тогда началась «Варфоломѣевская рѣзня». «Плѣнными предлагали одинъ лишь вопросъ, на который они должны «были отвѣтить «да» или «нѣтъ», а именно, вопросъ о томъ, согласны-ли «они идти на работу. Унтеръ-офицеры, проходя мимо германскаго лейтенанта, не выжидая вопроса, одинъ за другимъ громко кричали «нѣтъ». «Офицеръ жестомъ указывалъ палачамъ намѣченную жертву и эти звѣри «бросались на русскихъ унтеръ-офицеровъ, сшибали ихъ съ ногъ при- «кладами, сабельными ударами или просто ногами и затѣмъ избивали ихъ «на глазахъ остальныхъ плѣнныхъ. Ихъ кололи штыками въ спину, въ «ноги и заставляли кричать и корчиться отъ боли, надѣясь видомъ этихъ «мученій склонить плѣнныхъ къ покорности. Истязанія непрерывно про- «должались до 7 ч. 15 м. утра. Около шестидесяти человекъ, избитыхъ «и израненыхъ унтеръ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ, было свалено въ «кучу и германскій офицеръ прошелся по тѣламъ несчастныхъ, нанося «удары саблей на право и на лѣво. Послѣ этого пять изъ числа наиболѣе «пострадавшихъ были за ноги оттащены къ бараку. Плѣнные, видя такую «безчеловѣчную расправу, не могли далѣе упорствовать и немедленно «были отправлены на работу. Раненые и избитые, которые не могли «болѣе ходить, были сложены на телѣги и отправлены вслѣдъ за партией. «Во время доставки тяжело раненыхъ въ лазаретъ одинъ изъ плѣнныхъ «прислонился къ столбу для отдыха—столбъ немедленно окрасился «кровью. Генераль, узнавъ о происшедшемъ, подвергъ и насъ (бельгий- «цевъ) наказанію за то, что мы громко выражали свое негодованіе «при видѣ этой гнусной работы нѣмцевъ. На слѣдующій день въ Ман- «геймѣ былъ изданъ приказъ, въ которомъ, на ряду съ сожалѣніемъ по «поводу бывшаго печальнаго происшествія, высказывалась похвала гер- «манскимъ солдатамъ, благодаря «хладнокровію» которыхъ оказалось «возможнымъ избѣгнуть болѣе прискорбныхъ событій. Нами было сдѣлано «все, чтобы помочь нашимъ братьямъ по оружію, но къ сожалѣнію воору- «женная сила взяла верхъ и принудила русскихъ плѣнныхъ измѣнить «своему первоначальному рѣшенію. Правдивость всего изложеннаго мо- «жетъ быть удостовѣрена показаніемъ многочисленныхъ свидѣтелей-оче- «видцевъ, интернированныхъ въ Швейцаріи».

Случаи переодѣванія плѣнныхъ въ форму германскихъ и австрій- «скихъ солдатъ при военныхъ работахъ являются далеко не единичными. Въ Чрезвычайной Слѣдственной Коммисіи объ этомъ имѣются показанія «многочисленныхъ свидѣтелей.

Подпрапорщикъ 105 Оренбургскаго полка Викторъ Фадѣевъ Абрам- «чикъ показалъ, что въ концѣ 1915 г. въ лагерѣ Пархимъ германцы

переодѣвали русскихъ плѣнныхъ въ германскую военную форму и отправляли на французскій фронтъ для службы въ обозахъ и для рытья окоповъ.

Рядовой 10 Туркестанскаго полка Вячеславъ Петровъ Бѣляевъ удостоверялъ, что во время пребыванія въ плѣну находился въ лагерѣ Альтдамъ, откуда въ Октябрѣ 1915 г. германцы выслали двѣ тысячи русскихъ плѣнныхъ на болгарскій фронтъ рыть окопы, предварительно одѣвъ ихъ въ германскую военную форму.

Рядовой Л.-Г. Литовскаго полка Иванъ Цвѣтаевъ объяснилъ при допросѣ, что въ ночь на 18 Юля 1916 г. подѣ Ковелемъ, находясь въ развѣдкѣ, подползъ къ неприятельскимъ окопамъ и замѣтилъ ставившую проволочныя загражденія группу нижнихъ чиновъ, одѣтыхъ въ германскіе шинели съ касками на головахъ. Увидѣвъ русскаго, двѣнадцать человекъ изъ этой партіи прибѣжали къ Цвѣтаеву и объявили, что они русскіе плѣнные солдаты и что германцы, высылая ихъ на работу, умышленно одѣли въ германскую форму, чтобы они не могли перебѣжать къ русскимъ, такъ какъ благодаря формѣ русскіе будутъ принимать ихъ за германцевъ и стрѣлять по нимъ. По словамъ того-же свидѣтеля 21 Юля 1916 г. захвачено было 89 плѣнныхъ, также оказавшихся русскими нижними чинами, переодѣтыми въ германскую форму, которые рассказали, что германцы заставляли ихъ подѣ огнемъ русской артиллеріи производить работы разнаго характера: рыть окопы, ставить проволочныя загражденія и подносить снаряды къ передовымъ позиціямъ.

Рядовой 186 Асландузскаго полка Александръ Николаевъ Поздняковъ, бѣжавшій изъ плѣна, показалъ, что въ Сентябрѣ 1915 г. въ лагерѣ, въ которомъ онъ содержался, мадьярскіе инструктора стали обучать партію русскихъ плѣнныхъ австрійскому военному строю, а 25 Сентября одѣли ихъ въ полное мадьярское снаряженіе—шинели и фуражки и подѣ видомъ мадьярскихъ солдатъ отправили на италіанскій фронтъ. Когда партія покидала лагерь, остающіеся плѣнные кричали ей вслѣдъ: «братцы не забывайте Россіи!» Недѣли черезъ двое изъ увезенныхъ, заболѣвшіе тифомъ, были возвращены въ лагерный лазаретъ и сообщили, что по прибытіи на италіанскую границу ихъ заставляли принимать участіе въ окопныхъ работахъ и въ виду отказа разстрѣливали каждаго пятого изъ отказавшихся.

При допросѣ въ Чрезвычайной Слѣдственной Коммисіи бывшій фельдшеръ 282 Александрійскаго полка Сергѣй Семеновъ Поводъ показалъ, что приблизительно около 15 Сентября 1915 года русскихъ плѣнныхъ, стали переодѣвать въ австрійскую военную форму и отправлять на

итальянскій и сербскій фронты, гдѣ заставляли подносить снаряды, рыть окопы и исправлять разрушенныя артиллерійскимъ огнемъ укрѣпленія. За отказъ отъ работъ плѣнныхъ били прикладами, кололи штыками, разстрѣливали каждого десятаго иногда даже каждого пятаго, или сажали въ тюрьму, гдѣ морили голодомъ до тѣхъ поръ, пока измученные люди не соглашались изъ за куска хлѣба идти на работу. Тотъ же фельдшеръ Поводъ удостовѣрилъ, что ему извѣстны случаи, когда австрійскіе летчики брали съ собою русскихъ плѣнныхъ татаръ и заставляли ихъ сбрасывать бомбы на сербскомъ фронтѣ.

Рядовой 192 Рымникскаго полка Гецель Моисеевъ Минкеръ удостовѣрилъ при допросѣ, что, находясь въ лагерѣ Еггеръ, видѣлъ партію плѣнныхъ, вернувшихся съ работъ на итальянскомъ фронтѣ. Всѣ вернушіеся были одѣты въ формы австрійскихъ пѣхотныхъ войскъ.

Самоискалѣченіе, самоубійства и разстрѣлъ за отказъ отъ военныхъ работъ.

Чтобы не причинять вреда родинѣ, многіе плѣнные прибѣгали къ самоискалѣченію, самоубійству и шли подъ разстрѣлъ.

Въ Январѣ 1915 г., удостовѣряетъ въ своемъ показаніи старшій унтеръ-офицеръ 93 Иркутскаго полка Ома Степановъ Якутовъ, онъ былъ отправленъ въ мѣстечко Гуммерсборъ на чугунно-литейный заводъ, гдѣ его поставили дѣлать снаряды. Въ этомъ отдѣленіи работало до 30 русскихъ плѣнныхъ нижнихъ чиновъ. Онъ проработалъ два дня, но затѣмъ отказался и его въ наказаніе лишили пищи и ежедневно жестоко били. Такъ продолжалось три дня, по истеченіи которыхъ его отправили въ лагерь Ванъ. За нѣсколько дней до отправки одинъ изъ нашихъ плѣнныхъ, какъ его звали и какой онъ былъ части онъ не знаетъ, тоже поставленный на выдѣлку снарядовъ и тоже отказавшійся отъ работъ, не могъ далѣе выносить голода и истязаній и, не желая, съ другой стороны, принимать участіе въ выдѣлкѣ снарядовъ для германской арміи, улучилъ минуту и подложилъ кисть правой руки подъ катившуюся вагонетку. Кисть руки ему раздробило, онъ сдѣлался калѣкой на всю жизнь и больше не работалъ.

Въ партіи плѣнныхъ, высланныхъ для военныхъ работъ на итальянскую границу, былъ вольноопредѣляющійся Ершовъ. Видя, что плѣнныхъ

побоями и разнообразными истязаніями заставляють носить колья и колючую проволоку для искусственныхъ загражденій, Ершовъ, не желая принимать участія въ работахъ, желѣзною лопатою отрубилъ себѣ пальцы ноги.

Бѣжавшій изъ плѣна младшій мастеровой 36-го Орловскаго полка Клементій Яковлевъ Яроменко былъ свидѣтелемъ слѣдующаго случая:

Партія плѣнныхъ была отправлена на работу на итальянскій фронтъ и поставлена на рытье окоповъ. За отказъ отъ работъ плѣнные подверглись продолжительному лишенію пищи и ежедневнымъ тяжкимъ побоямъ. Бывшій въ партіи рядовой 11 Сибирскаго стрѣлковаго полка Андрей Рожинъ, не желая подчиниться требованію врага и не будучи въ состояніи далѣе переносить истязанія, перерѣзалъ себѣ горло ножомъ и тутъ-же скончался на глазахъ своихъ товарищей по плѣну.

Рядовой 15 Сибирскаго стрѣлковаго полка Иванъ Ивановъ, будучи въ числѣ другихъ плѣнныхъ отправленъ изъ лагеря Фридрихсфельдъ на снарядный заводъ, отказался отъ работъ. Въ наказаніе Ивановъ былъ привязанъ къ заводской лѣстницѣ и выдержанъ въ такомъ положеніи безъ пищи два дня. Не желая уступать врагу и истощенный голодомъ, Ивановъ, пользуясь временной свободой, умышленно ожегъ себѣ кисть лѣвой руки и, какъ неспособный къ работѣ, былъ возвращенъ въ лагерь. Впослѣдствіи Ивановъ бѣжалъ изъ плѣна и вернулся въ Россію.

Въ концѣ Октября 1914 г. партія плѣнныхъ была выслана изъ лагеря Шнейдемюлле на русскій фронтъ для военныхъ работъ. За отказъ плѣнныхъ продолжительное время истязали и морили голодомъ, но видя, что всѣ эти мѣры бесполезны, германцы прибѣгли къ крайнему средству: на глазахъ плѣнныхъ двое изъ нихъ были разстрѣляны.

Объ этомъ случаѣ сообщилъ бѣжавшій изъ плѣна очевидецъ казни рядовой 204 Ардаганъ-Михайловскаго полка Григорій Федоровъ Барановъ.

12-го Мая 1916 года въ Чрезвычайной Слѣдственной Коммисіи былъ допрошенъ рядовой 88-го Петровскаго полка Рувимъ Зиновьевъ Гердель, который показалъ, что плѣнныхъ изъ лагеря Ордруфъ обычно отправляли на французскій фронтъ. Лежа въ лазаретѣ въ Ордруфѣ съ русскимъ плѣннымъ Чумаченко, бывшимъ на работахъ на французскомъ фронтѣ, Гердель узналъ, что германцы заставляютъ русскихъ работать въ такой близости отъ передовыхъ позицій, что надъ ихъ головами рвутся французскіе снаряды. Въ Августѣ 1915 г. изъ Ордруфа, между прочимъ, былъ отправленъ рядовой 142 Звенигородскаго полка Иванъ Яковлевъ Колпаковъ. Въ Ноябрьѣ 1915 г. германскій фельдфебель объявилъ въ лазаретѣ, что Колпаковъ умеръ. У Герделя сохранилась фотографическая карточка товарищей по 1-й ротѣ Ордруфскаго лагеря. Когда

Гердель показалъ карточку, на которой былъ изображенъ и Колпаковъ, рядовому Чумаченко, послѣдній разсказалъ подробности смерти Колпакова. По словамъ Чумаченко онъ работалъ въ одной партіи съ Колпаковымъ на французскомъ фронтѣ. Однажды утромъ русскіе плѣнные отказались итти на работу—рыть окопы и подвозить строительный матеріалъ. Тогда германскій офицеръ раздѣлилъ плѣнныхъ по 20 человекъ въ партіи и выстроилъ на площади. Крайними правофланговыми оказались Колпаковъ и Чумаченко. Когда на вторичное предложеніе встать на работу плѣнные отказались, офицеръ выхватилъ револьверъ и, пустивъ въ Колпакова три пули, пашкой поранилъ еще нѣсколько человекъ, въ томъ числѣ и Чумаченко.

Чрезвычайной Слѣдственной Комисіей установлено, что убитый Колпаковъ уроженецъ Воронежской губ., Острожскаго уѣзда, деревни Трехетлина.

Старшій унтеръ-офицеръ Л.-Г. Финляндскаго полка Григорій Пантелеевичъ Соловьевъ показалъ о слѣдующемъ случаѣ, имѣвшемъ мѣсто на сербской границѣ. Около 1000 русскихъ плѣнныхъ были высланы изъ лагеря и доставлены на сербскую границу, гдѣ имъ было приказано немедленно стать на работу по рытью окоповъ. Когда плѣнные отказались отъ работъ и были безрезультатно исчерпаны убѣжденія, угрозы и угрозы, австрійскій офицеръ приказалъ всѣмъ плѣннымъ выйти на площадь и объявилъ, что въ наказаніе за ослушаніе они будутъ разстрѣляны. Одинъ изъ плѣнныхъ замѣшкался при выходѣ изъ барака, офицеръ сталъ на него кричать, а затѣмъ выстрѣломъ въ голову изъ револьвера убилъ на повалъ; потрясенные безпричинной и неожиданной смертью товарища плѣнные встали на работу.

Старшій унтеръ-офицеръ 21 Муромскаго полка Василій Федоровъ Силашинъ былъ, въ числѣ семидесяти двухъ человекъ, высланъ изъ лагеря Бриксъ на румынскую границу для военныхъ работъ. Плѣнные заявили, что не будутъ рыть окопы для австрійскихъ войскъ и за это были посажены подъ арестъ въ тѣсномъ сарайчикѣ, причемъ въ теченіе пяти дней не получали пищи. Совершенно измученные голодомъ плѣнные, за исключеніемъ восьми человекъ, сдались и заявили готовность стать на работу. Восемь человекъ остались непреклонными и были тутъ-же, на глазахъ Силашина и остальныхъ плѣнныхъ, разстрѣляны.

Вольноопредѣляющійся 13 гусарскаго Нарвскаго полка Борисъ Николаевичъ Мясоѣдовъ при допросѣ его Членомъ Чрезвычайной Слѣдственной Комисіи показалъ, что въ концѣ Іюля 1915 г. партія плѣнныхъ была приведена въ Дутовліе на работы; не смотря на вопросы плѣнныхъ,

имъ не было объявлено, какая именно работа будетъ производиться. По прибытіи въ Дутовліе среди плѣнныхъ пронесся слухъ, что ихъ заставятъ рыть окопы въ защиту австрійской территоріи отъ наступленія итальянскихъ войскъ. Не желая участвовать въ возведеніи укрѣпленій противъ нашихъ союзниковъ, плѣнные не встали на работу и рядовой 130 пѣхотнаго Херсонскаго полка Дмитрій Старовѣровъ вызвался объяснить австрійскому офицеру причину такого поведенія плѣнныхъ. Старовѣровъ черезъ переводчика сказалъ офицеру, что присяга на вѣрность Родинѣ обязываетъ каждаго солдата до послѣдней капли крови не измѣнять отечеству и не дозволяетъ чѣмъ либо способствовать усилению мощи врага; что Италия союзница Россіи, и поэтому всякія работы, направленныя противъ нея, плѣнные считаютъ измѣной присягѣ и просятъ не принуждать ихъ рыть окопы и возводить укрѣпленія противъ итальянскихъ войскъ и просятъ, какъ милости, перевести ихъ на другія, хотя бы самыя тяжелыя работы. Старовѣровъ былъ по приказу офицера отведенъ въ сторону и немедленно разстрѣлянъ на глазахъ остальныхъ плѣнныхъ. Нѣсколько человѣкъ было затѣмъ повѣшено къ столбамъ, а остальныхъ окружили австрійскіе солдаты и плѣннымъ было объявлено, что они будутъ стоять подъ открытымъ небомъ безъ пищи до тѣхъ поръ, пока не подчинятся требованію и не встанутъ на работу. Плѣнные, однако, не сдались; простояли до вечера и вынудили австрійцевъ перевести ихъ въ другое мѣсто на постройку желѣзной дороги.

Передъ Рождествомъ 1915 г., свидѣтельствуешь въ своемъ показаніи рядовой 278 Кромскаго полка Михаилъ Михайловъ Косолаповъ, партія плѣнныхъ русскихъ нижнихъ чиновъ, въ числѣ около двухъ тысячъ, была отправлена изъ лагеря Гейлсбергъ въ Двинскій районъ для рытья окоповъ. Плѣнные дружно отказались отъ работъ, направленныхъ во вредъ русской арміи. За отказъ германцы стали разстрѣливать, упорствующихъ мучить голодомъ, побоями и пытками, причемъ до 50 человѣкъ было разстрѣляно и забито на смерть и 150 человѣкъ болѣе или менѣе тяжело ранено. Самого Косолапова сѣкли розгами до потери сознанія.

Ефрейторъ 71-го Бѣлевскаго полка Николай Онисимовъ Стрижаковъ былъ очевидцемъ разстрѣла четырехъ русскихъ военноплѣнныхъ за отказъ отъ работъ.

Въ Октябрѣ 1915 г., въ бытность Стрижакова въ лазаретѣ, въ гор. Дюмо, въ Тироли, прибыло около 1500 русскихъ плѣнныхъ, отказавшихся отъ работъ на итальянскомъ фронтѣ. Прибывшихъ помѣстили въ полѣ, подъ открытымъ небомъ, шагахъ въ ста отъ лазарета. Незначительное по

своей площади мѣсто, куда загнали плѣнныхъ, было окружено изгородью изъ колючей проволоки и въ продолженіе четырехъ дней плѣннымъ, лишеннымъ всякой пищи, не разрѣшалось не только прилечь, но и садиться. Австрійскіе часовые входили въ огороженное мѣсто и послѣ безопаднаго избіенія подвѣшивали къ столбамъ нѣсколько человекъ на глазахъ остальныхъ. Этими мѣрами воздѣйствія австрійцамъ удалось сломить упорство тысячи плѣнныхъ, которые, истомленные голодомъ, согласились подчиниться. Остальные пятьсотъ человекъ, не смотря на уговоры и угрозы, продолжали отказываться отъ участія въ военныхъ работахъ и по распоряженію австрійскаго офицера четверо изъ нихъ—одинъ подпрапорщикъ, два унтеръ-офицера и одинъ рядовой—были отведены къ опушкѣ ближайшаго лѣса для разстрѣла. Наблюдавшій за казнью изъ окна лазарета Стрижаковъ видѣлъ, что плѣнные были убиты выстрѣлами изъ револьверовъ въ упоръ, при чемъ разстрѣлъ производился двумя офицерами и двумя унтеръ-офицерами австрійской арміи.

Потрясающее впечатлѣніе производитъ разсказъ мастерового старшаго разряда 6-го Туркестанскаго полка Моисея Беркова Котляра и рядового 186-го Асландузскаго полка Федора Павлова Сиваева, на глазахъ которыхъ въ крѣпости Монмеди былъ разстрѣлянъ рядовой Иванъ Яковлевъ Костылевъ, уроженецъ Самарской губерніи, Богуминскаго уѣзда, Сорочинской волости.

Дисциплинарный баталіонъ, въ который главнымъ образомъ зачислялись покушавшіеся на побѣгъ русскіе плѣнные и въ которомъ числились Котляръ и Сиваевъ, былъ расположенъ въ казематахъ крѣпости Монмеди. Первоначально плѣнные были заняты работами въ крѣпости и на станціи желѣзной дороги по разгрузкѣ вагоновъ, но 28 Декабря 1915 г. имъ неожиданно было приказано перегружать артиллерійскіе снаряды изъ вагоновъ ширококолейной желѣзной дороги на узкоколейную, проведенную къ позиціямъ. Считаая эту работу исключительно военной, вредящей интересамъ нашихъ союзниковъ—французовъ,¹ плѣнные отказались отъ нея и за это были подвергнуты четырнадцати-дневному аресту въ абсолютно темномъ карцерѣ при полномъ почти лишеніи пищи. На пятнадцатый день плѣнныхъ вывели на площадь, выстроили и подошедшій къ нимъ генераль обратился съ рѣчью, въ которой доказывалъ бесполезность упорства, и угрожалъ разстрѣломъ, если плѣнные не пойдутъ на работу. Молчаніе было отвѣтомъ на рѣчь генерала. Крайнимъ на флангѣ выстроенныхъ въ рядъ плѣнныхъ стоялъ рядовой Илья Костылевъ, который, на обращенный къ нему вопросъ о готовности итти на работу,

отвѣтилъ генералу: «пусть мои товарищи дѣлають, что хотять, но я работать не буду». По приказанію генерала, Костылевъ былъ тотчасъ-же отведенъ къ крѣпостному валу, ему были завязаны глаза и противъ него было выстроено шесть германскихъ солдатъ съ винтовками. Передъ разстрѣломъ Костылевъ просилъ разрѣшить ему проститься съ товарищами, но генераль обругалъ его «русской свиньей» и отказалъ въ просьбѣ. На вторичный вопросъ о согласіи подчиниться приказанію и стать на работу—Костылевъ снялъ фуражку, перекрестился, сталъ на колѣни, скрестилъ руки на груди и, молитвенно опустивъ голову, молча сталъ ждать смерти. Комендантъ далъ сигналъ, раздался залпъ шести винтовокъ и Костылевъ упалъ съ раздробленнымъ черепомъ. Послѣ разстрѣла Костылева генераль подошелъ къ слѣдующему фланговому плѣнному и, указывая на трупъ разстрѣленного, повторилъ вопросъ. Потрясенный зрѣлищемъ казни, при видѣ которой впалъ въ смущеніе даже конвой, измученный нравственно и физически плѣнный не смогъ упорствовать и согласился итти на работу. За нимъ пошли и всѣ остальные.

На площади города Бреннербадъ, въ Тироли, противъ зданія гостиницы, стоитъ деревянный крестъ съ надписью: «1 Юня 1915 г. здѣсь умерли четыре русскихъ нижнихъ чина. Миръ и покой!»

Подъ этимъ крестомъ погребены русскіе воины *Иванъ Тимофеевъ Ниценко* — уроженецъ Херсонской губерніи, Александровскаго уѣзда, Посадо-Прагской волости, посада Прага, *Федоръ Лукинъ* — Курской губерніи, Староскольского уѣзда, Скороденской волости, *Иванъ Катаевъ* — Воронежской губерніи, Новохоперскаго уѣзда, Верхне-Корчанской волости и *Филиппъ Куликовъ* — Орловской губерніи, Дмитровскаго уѣзда, Гнѣздиловской волости.

Имена ихъ не должны быть забыты.

21-го Мая 1915 года комендантъ лагеря Марктренкъ объявилъ плѣннымъ, что пятьсотъ изъ нихъ будутъ отпущены и отправлены на родину. Восторгъ охватилъ населеніе многотысячнаго лагеря. Комендантъ обошелъ бараки и выбралъ 500 человекъ; избранниковъ, съ оркестромъ духовой музыки впереди, вывели изъ лагеря.

Но вмѣсто родины, послѣ трехъ дней утомительнаго пути въ наглухо закрытыхъ вагонахъ, плѣнныхъ привезли и высадили въ городѣ Бреннербадъ въ Тироли, гдѣ ихъ уже ждала другая партія, численностью также около 500 человекъ, привезенныхъ изъ Зальцбурга. Отъ австрійскихъ конвойныхъ плѣнные узнали, что цѣль ихъ прибытія—работы по укрѣпленію позицій, для обороны на случай наступленія итальянскихъ войскъ.

Вечеромъ въ первый же день прїѣзда плѣнные черезъ переводчика обратились къ австрійскому офицеру, начальнику партіи, съ просьбой освободить ихъ отъ работы, исполненіе которой противно данной ими присягѣ. Представители партій присовокупили, что плѣнные непрекословно стануть на любую иную работу, какъ бы тяжела она ни была, но рѣшительно отказываются работать во вредъ Италіи—союзницѣ Россіи.

Въ отвѣтъ на эту просьбу плѣннымъ было заявлено, что они будутъ разстрѣлены, если не подчинятся предъявленному къ нимъ требованію. вмѣстѣ съ тѣмъ начальникъ партіи обратился къ начальнику обороны Тироля съ ходатайствомъ о присылкѣ въ его распоряженіе достаточной вооруженной силы, каковое ходатайство было удовлетворено, и въ Бреннербадѣ прибыло 130 учениковъ подготовительной офицерской школы въ Инсбрукѣ, подъ командой капитана Пильца.

На слѣдующее послѣ прибытія утро плѣнныхъ вывели въ поле, версты за двѣ отъ города, и роздали кирки и лопаты. Вырытыя мѣстами неглубокія канавы указывали на то, что на землѣ расчерченъ планъ расположенія будущихъ окоповъ, и плѣнные поняли, что имъ предстоитъ исполнить работы военно-оборонительнаго характера. Они отказались, бросили кирки и лопаты и, несмотря на уговоръ и угрозы, до вечера безъ пищи и питья просидѣли въ полѣ, не приступая къ работамъ.

Рано утромъ, послѣ проведенной въ баракѣ ночи, плѣннымъ было приказано выстроиться на площади и завѣдующій работами по оборонѣ австрійскій саперный офицеръ, свободно говорившій порусски, обратился къ нимъ съ рѣчью, доказывая необходимость подчиниться и грозя въ противномъ случаѣ разстрѣломъ. Рѣчь офицера не имѣла успѣха, какъ не имѣла успѣха и попытка австрійскихъ конвойныхъ ударами палокъ и прикладовъ насильно выгнать плѣнныхъ на работу.

28-го Мая, съ наступленіемъ разсвѣта, плѣнные были вновь выведены на площадь и окружены юнкерами офицерской школы. Послѣдніе были вооружены винтовками и держали ихъ на изготовкѣ. Капитанъ Пильцъ обратился къ плѣннымъ со словами увѣщанія, указывая на то, что дальнѣйшее упорство можетъ вызвать принятіе крайнихъ мѣръ, и совѣтовалъ всѣмъ желающимъ вернуться послѣ окончанія войны на родину и увидѣть своихъ женъ, дѣтей, родителей, братьевъ и сестеръ немедленно же стать на работу. Видя, что слова бессильны, австрійцы отдѣлили стоявшихъ на флангѣ четырехъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ унтеръ-офицеровъ Башта и Духанова, и увели ихъ, сказавъ, что отведенные будутъ разстрѣлены. Молча стояли плѣнные, но рѣшенія своего не измѣнили.

первыми четырьмя отделили еще 16 человек; вдали под грохотом слышались одиночные выстрелы, но пленные не сдались и были отведены в баракъ и лишены пищи.

29 Мая австрийцы, желая во что-бы то ни стало сломить упорство пленных, вновь вывели их на площадь и вновь окружили юнкерами. Офицеръ приказалъ послѣднимъ зарядить винтовки и обратился къ пленнымъ съ вопросамъ, согласны ли они стать на работу. Послѣдовалъ дружный отказъ, послѣ чего по командѣ офицера юнкера приложились къ винтовкамъ. Пленные заволновались одно мгновение, казалось, что они готовы броситься на своихъ мучителей, но тотчасъ-же успокоились и, крестясь и кладя земные поклоны съ молитвою, порѣшили ждать смерти. Начальникъ партіи, поручикъ Урбанъ, еще разъ обратился къ пленнымъ съ вопросомъ, предпочитаютъ-ли они смерть повиновенію. Шестьсотъ человекъ не выдержали, сдались и были отведены на работу. Остальныхъ заперли въ помещеніи настолько тѣсномъ, что пленники не могли ни сѣсть ни лечь. Для отправленія надобности выводили подъ конвоемъ не болѣе одного заразы и воздухъ въ помещеніи скоро былъ отравленъ зловоніемъ человеческихъ испражнений. Настроение среди пленныхъ стало падать и руководившіе ими унтеръ-офицеры отказались далѣе вліять на нихъ, предоставивъ каждому распорядиться своею судьбой.

Къ утру слѣдующаго дня число несогласившихся работать сократилось до двухъсотъ.

Чтобы подорвать сопротивленіе и этой горсти людей, австрийцы прежде всего отделили унтеръ-офицеровъ, увели ихъ въ другое помещеніе и здѣсь въ теченіе двухъ сутокъ поочередно подвѣшивали къ столбу, били палками, били прикладами, били лежавшихъ уже на полу, били тѣхъ, кто плакалъ отъ боли, горя и отчаянія. Измученные пыткой люди становились на колѣни и, какъ милости, просили смерти, но палачи ихъ, будущіе офицеры австрийской арміи, хладнокровно продолжали свое дѣло. Многіе изъ нихъ даже смѣялись при видѣ страданій русскихъ пленныхъ, не смотря на замѣчанія и упреки капитана Пильца, повидимому тяготившагося выпавшей на его долю гнусной ролью.

Исчерпавъ все средства принужденія, австрийцы утромъ 1-го Іюня рѣшили прибѣгнуть къ послѣдному и крайнему средству.

Пленныхъ вывели на площадь и изъ нихъ было выбрано шесть человекъ. Первому изъ нихъ былъ вновь поставленъ обычный вопросъ о согласіи на работу, на который онъ твердымъ голосомъ отвѣтилъ: «желаю умереть, но на работу не пойду». Онъ былъ отведенъ въ сторону, повернуть лицомъ къ остальнымъ пленнымъ, а противъ него встали

четыре юнкера, добровольно вызвавшие принять участие переводчика Пльнный перекрестился, сдѣлалъ земной поклонъ и, не просьба пшамъ, не дрогнувъ, принялъ въ лобъ и сердце тѣ пули, которыя и были выпущены въ него на разстояніи не болѣе трехъ шаговъ.

За первымъ были разстрѣляны слѣдующіе двое, также спокойно и геройски принявшіе смерть. Четвертый не выдержалъ: зарыдалъ, согласился работать, и этимъ спасъ свою жизнь. Пятый, вставъ на мѣсто, перекрестился и, не дрогнувъ, встрѣтилъ смерть.

Въ это время были выведены четверо пльнныхъ изъ отдѣленныхъ ранѣ и подвергавшихся жестокимъ мученіямъ съ цѣлю, чтобы они своимъ измученнымъ видомъ и рассказами о перенесенныхъ страданіяхъ склонили товарищей къ послушанію. Но изстрадавшійся, едва стоявшій на ногахъ отъ истощенія подпрапорщикъ, на груди котораго красовались кресты Св. Георгія всѣхъ четырехъ степеней, имени котораго къ сожалѣнію не удалось установить, не только не сталъ уговаривать пльнныхъ уступить требованію врага, но громко крикнулъ: «ребята держись, пусть всѣхъ разстрѣляютъ»!..

Стоя съ завязанными глазами, въ отвѣтъ на убѣжденія австрійцевъ, онъ осыпалъ ихъ укорами и бранью. Въ этотъ моментъ пльнные, не выдержавъ пытки, со слезами на глазахъ согласились стать на работу. Шестого послѣ этого не разстрѣляли... но заставили вырыть могилу и засыпать тѣла геройски погибшихъ товарищей.

Все вышеизложенное въ соответствующихъ частяхъ удостовѣрено показаніями бѣжавшихъ изъ плѣна очевидцевъ:

- 1) Ефрейтора 282 Александрійскаго полка Захарченко.
- 2) Ст. унтеръ-офицера 16 Стрѣлковаго полка Башта.
- 3) Рядового Л.-Г. Преображенскаго полка Шарина.
- 4) Рядового 81 Апшеронскаго полка Терентьева.
- 5) Рядового 324 Клязминскаго полка Малькова.
- 6) Рядового 57 Модлинскаго полка Гринченко.
- 7) Ефрейтора 178 Венденскаго полка Пиголица.
- 8) Рядового 47 Сибирскаго стрѣлковаго полка Чернолуцкаго.
- 9) Унтеръ-офицера 57 Модлинскаго полка Горноваго.
- 10) Рядового 166 Ровенскаго полка Осадчаго.
- 11) Рядового 324 Клязминскаго полка Мошелупъ.
- 12) Рядового 312 Васильковскаго полка Рожео.
- 13) Рядового 358 Кишиневскаго полка Коваленко.
- 14) Ефрейтора 47 Сибирскаго стрѣлковаго полка Бякова.
- 15) Унтеръ-офицера 51 Литовскаго полка Архипенко.

указанныхъ свидѣтелей фактъ разстрѣла въ Бреннербадѣ нашихъ нижнихъ чиновъ за отказъ отъ военныхъ работъ подтвержденъ разказомъ одного изъ австрійскихъ дезертировъ и копіей рапорта русскаго военнаго агента въ Италіи отъ 27 Февраля 1916 г. за № 59 въ Главное Управление Генеральнаго Штаба. Въ рапортѣ изложено показаніе взятаго въ плѣнъ итальянскими войсками австрійскаго подпоручика, бывшаго въ числѣ тѣхъ 130 юнкеровъ офицерской подготовительной школы, которые были высланы изъ Инсбурга въ Бреннербадъ. Этотъ военноплѣнный, очевидецъ разстрѣла, указалъ, что въ числѣ юнкеровъ, добровольно вызвавшихся принять участіе въ разстрѣлѣ русскихъ плѣнныхъ, были юнкера Шранцъ, Редлихъ и Феррари.

Опредѣленіемъ Св. Правительствующаго Синода постановлено увѣковѣчить память мучениковъ героевъ въ тѣхъ церквахъ, гдѣ они были съприхожанами.

Настоящій перечень мученическихъ страданій нашихъ плѣнныхъ умѣстно закончить письмомъ, дошедшимъ до комисіи изъ нѣдръ германскаго плѣна.

Вотъ его содержаніе:

«Мы русскіе военноплѣнные въ Германіи, со слезами молимъ нашу матушку родимую не забывать своихъ сыновъ, томящихся въ неволѣ, терпящихъ въ плѣну обиды и униженія, голодь и издѣвательства. За тебя, ненаглядная, мы подвергаемся гоненію, біенію, у раскаленной печи стоянію, къ столбу привязыванію, подвѣшиванію, на землѣ распинанію, собакъ травленію... Многихъ ты, родная, увидишь въ ликѣ исповѣдниковъ, мучениковъ за тебя, погибшихъ не честною смертію въ полѣ, а въ бусурманской землѣ, не пожелавшихъ отречься отъ тебя. Твои сыны остались вѣрными тебѣ, родная, до конца. Но ты ихъ не забывай, поддержи ихъ хлѣбомъ; не дай намъ погибнуть отъ голода, мать родная, дай намъ силы дожить, увидѣть, взглянуть на тебя, ненаглядная, Русь Святая! Просимъ съ умиленіемъ тебя: помни своихъ сыновъ въ неволѣ и въ молитвахъ своихъ ихъ помяни!»

Ужели и этотъ вопль забытыхъ страстотерпцевъ не будетъ Родиной слышанъ!



переводчика
просьба

1



переводчица
проф. ой
М

Цѣна 15 коп.